

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Юлия Линде
Литература

Издательство «Детская литература»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Линде Ю.

Литература / Ю. Линде — Издательство «Детская литература»,
2019 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея
Михалкова)

ISBN 978-5-08-006046-5

«Груша для битья», «нескладная паучиха», «малодушная овца» – какими только уничижительными эпитетами не награждает себя героиня – 15-летняя Женя Щетинина в своей исповеди-биографии! Жить с такой самооценкой и в самом деле непросто: Женя талантлива, она пишет стихи, и ей так нужны поддержка и признание сверстников. Но идти на поводу у чужих вкусов и пристрастий – тоже не выход. Внутренняя честность и верное нравственное чутьё ей этого не позволяют. Особенно когда речь заходит о тех, кто «положил душу свою за други своя» и чью память она, дочь Героя России, погибшего в Чечне, никогда не предаст. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006046-5

© Линде Ю., 2019
© Издательство «Детская
литература», 2019

Содержание

О конкурсе	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	24
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юлия Линде Литература

© Линде Ю. В., 2019

© Линде Ю. В., иллюстрации, 2019

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2019

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2019 года в серии уже издано около 40 книг. Выходят в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Недавно составила «Топ-100 самых дурацких вопросов». Какие на первых двух местах, не скажу (сразу захочется задать), а на третьем – «Вы пишете стихи?». Ну и что в этом дурацкого, хотите узнать? А то, что стихи хоть раз в жизни пробовал писать любой нормальный человек. Ну, за редким исключением. Это такое дело... как грипп, примерно: болели почти все, а осложнения случаются у немногих. Не нравится сравнение с бациллой? Тогда выберу образ посимпатичнее...

В книгах по поп-психологии вон пишут, что с людьми постоянно случаются кризисы: первый в три года, потом в четырнадцать – шестнадцать, потом в двадцать пять, потом в сорок лет... Человек заново пытается переосмыслить мир и себя самого – обычная стадия развития. Вот стихи – это тоже этап душевного развития, естественный процесс для основной массы homo sapiens. Иногда стихи появляются в детском саду, иногда – в школе, и, говорят, это происходит примерно после института и выхода на работу. Годам к двадцати пяти.

Я не знаю, пройдёт ли у меня, потому что мне пятнадцать, но надеюсь, что окажется хроническим, потому что стихи – это специи, ну или, как пишут на упаковках продуктов, «ароматизаторы, идентичные натуральным, загустители, фиксаторы окраски», без них все блюда моей судьбы станут слишком пресными.

Зачем я затеяла эту паршивую и никому не интересную биографию? Меня тут прессуют и заставляют участвовать в литературном конкурсе «Открытие» для авторов как раз с пятнадцати и до двадцати пяти лет. Какое из меня открытие, не знаю. Сплошное закрытие, по моему. Эх... ладно.

Для участия, которое сдалось мне три раза, понадобилась биография. Нормальные люди написали бы кратко: где и когда родился, в какой школе учишься, какие достижения – три-четыре тоскливые фразы ни о чём. Но я сумасшедшая, и жизнь у меня сумасшедшая, её в несколько предложений не уместить. Никто это, конечно, не прочтает, но мне всё равно, а если прочтает, начнётся что-то типа: «Ну она загибает! Так в жизни не бывает, только в плохой литературе! Вот накрутила!» Но в жизни иногда случаются события настолько дебилские и невероятные, что литературе и в кошмарном сне не приснится, поэтому не надо бухтеть и обвинять меня в недостоверности – моя биография такая же настоящая, как и я сама.

Глава 1

В детстве я была *грушей* – той самой, которая для бокса. По крайней мере, *грушей* меня считали в детском саду. Есть ещё *козёл отпущения*, но слово «груша» мне больше нравится. Били меня скорее по привычке, чем по злему умыслу – такая уж традиция сложилась, будь добр соблюдать. Иногда на тренировку заглядывали даже из других групп во время общей прогулки. Как объяснила мне однажды Наташа У.:

– Характер тебе тренируем, учишь давать сдачи, а то никто с тобой дружить не будет, – и ехидно улыбнулась.

Характер у меня – это да, слабоват, хочется *белую ворону* упомянуть, но данная *ворона* подразумевает что-то слишком яркое и неординарное, она как бельмо в глазу, а я не белая – самая обыкновенная серая: и глаза серые, и волосы серые, тёмно-русые. Вернее, я не белая и не серая – я прозрачная. Если можно было бы стать невидимкой, я бы стала без особого труда.

– Ты кисель! – сказала мне моя единственная садииковская подружка Таня Ч., она как раз задумчиво выуживала вишенки из киселя. – Больше защищать не буду. Надоело.

Ну да, в детстве я была с приветом, немного... э-э... космонавтом. Хотя бы потому, что очень любила манную кашу, особенно с комочками. Каша напоминала чудесный тёплый снег, в ней можно проложить лыжню ложкой или вырыть норы для белых медведей (да, те самые комочки). Маннй снег был тёплым, потому что в нём растаяло сливочное солнце – кусочек масла. Солнечную лужицу нужно беречь и съесть в последнюю очередь. Вы уже догадались, да? Я почти всегда заканчивала есть позже всех в группе (не только кашу, впрочем). Нянечка Ирина Андреевна успевала напичкать манкой ярых противников каш, а я всё играла с белыми медведями или пыталась слепить снеговика.

– Ну а ты, Щетинина, почему не доела? – кричала мне нянечка, с горем пополам распихавшая кашу по детям. – Особое приглашение надо? Заснула?

Дурацкая у меня фамилия. И имя так себе – Женя. Сразу не поймёшь, мальчик я или девочка или вообще оно. В детстве вдобавок меня постоянно стригли под мальчика: мама считала, что волосы от этого гуще станут, но в результате отрос мышинный хвост, длинный, тощий и серый. Ладно, серость, но я, как назло, уродилась ушастой. С дебильной стрижкой совсем было ужасно-ушасто. Периодически я приклеивала уши скотчем, но отдирать потом адски больно. Теперь вон уши волосами прижимаю, и, если хвост потуже затянуть, – норм.

Хвост и уши – это ещё не самая большая проблема, можно выкрутиться, гораздо хуже то, что я, хронически прыщавая и нескладная паучиха, всю жизнь возвышалась над головами ровесников, как телебашня. Надеюсь, расти я уже перестала, потому что в пятнадцать лет быть ростом 185 сантиметров – это перебор. А что делать, если к восемнадцати я стану двухметровой? Остаётся только ходить горбушкой, складываться пока не научилась...

В садике я мечтала о косах... хотя бы половину косы Рапунцель отрастить – уже хватило бы, но косы приходилось делать из маминых колготок: натянул на голову – и ходишь весь вечер, как принцесса.

Однажды осенью я бродила в одиночестве вдоль чёрной высокой ограды сада. Кстати, до сих пор не могу понять, зачем на верхушках железных прутьев были небольшие пики, – видимо, особо буйных детей следовало сажать на кол при попытке к бегству. Мои одноклассники играли в догонялки – самую дурацкую игру на свете. Беготню я ненавижу. Поэтому я вообразила себя печальной феей Листопадой. Меня заперли за этим забором завистливые древние свинксы (о египетском сфинксе у меня тогда были довольно смутные представления). Я Листопада, мои слёзы превращаются в спелые каштаны и жёлуди, я их собираю в куртку; когда я грущу, начинается дождь, налетает ветер и срывает листья с деревьев. Но, если мне удастся выбраться из плена, во всём мире сразу начнётся весна, потому что я превращусь в фею Цветению, оживлю чахлую траву, которая сваялась грязными колтунами, раскрою почки деревьев, выращу целую поляну ландышей, верну улетевших птиц, воскрешу бабочек, стрекоз и жучков-пожарников (это мои любимые)...

Я медленно дохожу до калитки – она не заперта! (Потом уже сообразила, что нянечка, видимо, выходила на перекур и забыла закрыть.) Меня никто не заметил – правильно, я же почти прозрачная! – потихоньку выскальзываю из калитки – и свобода!

Нормальный беглец, конечно, постарался бы поскорее исчезнуть из поля зрения, но я была не просто беглецом, а феей. Я должна дотронуться своей чудесной рукой до каждого кустика, каждой былинки, чтобы они ожили, ведь теперь я фея Цветения. И вдруг в траве мне попалась дохлая пчела! «Видимо, не успела улететь в тёплые края и погибла, – подумала я. – Ты опоздала, Цветения... Пчела ведь нарочно не улетала, она ждала тебя, верила, что выберешься из-за чёрной решётки». Я долго её рассматривала, даже дула на неё, но волшебство не сработало. Тогда я нашла палку и стала рыть могилу.

Пчела, пчела
Не улете-ла
И умерла.

Я сразу догадалась, что это печальная похоронная песня, и стала напевать её на разные мотивы, не забывая копать. Тут меня и схватила воспитательница Марина Андреевна¹ и начала орать. Вопила она каждый день, и все давно привыкли, никто её воплей не боялся. Обидно только, что я дохоронить пчелу не успела, – зарыла, а памятник не поставила.

В тихий час я думала о памятнике. Не спалось, хотя я честно лежала с закрытыми глазами. Марина Андреевна ушла на какое-то собрание, а доброй воспитательницы Ольги Владимировны ещё не было (или она сразу отправилась в кабинет директора, не заглядывая к нам?). Мы остались одни. Куда делась нянечка, не знаю, наверное, тоже на педсовет или курить пошла. Зря они так, конечно. Поверили, что все мы честно заснули? Щас!

¹ По дурацкому стечению обстоятельств нянечка у нас была Ирина, а одна из воспиталок Марина, и обе Андреевны.

Глава 2

Стоило взрослым уйти, как на меня напала Колькина банда. От этого гнусного Кольки был весь детский сад! Он был старше и сильнее всех в нашей выпускной группе – отчего-то его не взяли в школу, и он остался на второй год. Ходили слухи, что родители-алкоголики просто забыли его записать в первый класс, и вот он стал матёрым бандюком. Нет, он и в прошлом году дрался, и в позапрошлом, но банда у него завелась только сейчас, когда стал второгодником. Своих Колька, конечно, не трогал, но и не защищал, а всех остальных бил нещадно. Ну и компания ему помогала, старалась на совесть.

И вот стоило уйти Марине Андреевне... Нет, я честно притворялась, что сплю, даже с головой залезла под одеяло, вообразив себя гусеницей, которая по законам жанра обязательно вылетит из кокона бабочкой. Сразу же после тихого часа запланировала превращение. Все встают, я сбрасываю одеяло – а у меня сиреневые крылья с золотыми блёстками! Девчонки сто раз пожалеют, что не хотели дружить, а Колька достанет сачок... Но я распахну окно, вспорхну – и досвидос!

Меня, конечно, побили. Заступаться никто не стал, кроме Тани Ч., но она заступалась морально, на расстоянии, чтобы не получить свою порцию, вопила, правда, громко, с душой. Били весело, беззаботно и увлечённо пластмассовыми и деревянными игрушками по голове. Спротивляться было глупо, а на людях я никогда не плачу – не дождётся! Потуже заматалась в кокон и молчала, из кокона меня, естественно, попытались вытащить. Впрочем, головы мне было не жалко, я гораздо больше переживала за бедные беспомощные игрушки² – нет, за игрушек (по правилам склонения одушевлённых существительных я переживала за игрушЕК, а не за игрушКИ). Для меня они были живыми и любимыми, нелюбимых быть не должно, даже если они сломаны!

Не знаю, забили бы меня насмерть или пощадили, но я решила, что пора улетать, схватила простынку, накинула её на плечи и вскочила на подоконник (он как раз у моей кровати). Тогда у нас были старые рамы, ручки оттуда не вынимались. Я взмахнула крыльями и спрыгнула. Полёт, правда, оказался недолгим: наша группа находилась на первом этаже.

В этот момент Таню Ч. наконец озарило: она помчалась в соседнее крыло в кабинет директора, где заседали на суперважном собрании воспитатели.

Колька и его банда были хоть и придурками, но придурками хитрыми и коварными, поэтому к приходу Марины Андреевны тихо лежали в кроватях и даже частично убрали игрушки, а Марина Андреевна, подозреваю, бежала очень быстро. Наверняка ей вместе с нянечкой Ириной Андреевной уже грезилась тюрьма, или лагерь за колючей проволокой, или электрический стул, или одиночная газовая камера... ну, или как минимум обезьянник в районном отделении милиции³.

Я молча порхала под окнами в трусах и простынке, с рассечённой бровью и дюжиной потенциальных синяков и уже реальных ссадин. Орать считала делом позорным и неприличным, просто летала... Конечно, Марина и Ирина Андреевны вопили как никогда, от крика чуть не взорвались. Меня поймали без сачка и отправили в медкабинет к добрейшей медсестре Эмме Борисовне, которая обработала следы битвы перекисью и аккуратно раскрасила зелёной, рану над глазом заклеила куском бинтика с пластырем. Потом откуда ни возьмись приехала мама.

Мы поехали в травмпункт, где мерзкая врачиха-ехидна объявила, что мне необходимо пришить бровь. Я была в ужасе: неужели бровь может отвалиться? Мне наконец стало по-

² Здесь и далее зачёркнутые слова – авторский приём. (Прим. ред.)

³ Тогда ещё милиция не превратилась в полицию.

настоящему страшно, и нечего тут ржать: вы что, мелкими никогда не были? Бровь заштопали металлической ниткой, которая скоро начала жутко чесаться. На память о суровом детстве мне остался небольшой шрам.

Не понимаю, почему меня сразу же не перевели в другой сад – видимо, продолжали закалять мой характер... Бесплезное дело. Абсолютно. Я не видела смысла в сопротивлении: их много, а я одна, дам сдачи – вконец их разозлю и ещё больше пинков огребу, а если никак не среагирую, то рано или поздно надоест ко мне приставать. Скучно же, если жертва валяется себе кверху лапками и не подаёт признаков жизни. Мимикрия у меня срабатывает. Каждый защищается как умеет.

Глава 3

Восемь планет вращаются вокруг Солнца, а мы вращаемся вокруг бабушки, маминой мамы, она у нас карбюратор, заводит всё наше семейство, и не только наше. Есть Солнечная система, а есть Бабушковая система. Бабушка – участковый педиатр в районной поликлинике, как после института пришла, так и сидит в том же кабинете, к ней уже внуки первых пациентов приходят, кажется. Правда, не все в поликлинику, кто-то прямо к нам домой, а некоторые увозят бабушку в свои коттеджи и новостройки. По старой памяти. Потому что старый врач лучше новых двух.

Мама у меня непутёвая (так говорит бабушка, но я протестую), она главный библиотекарь, причём в детской библиотеке. «Настя, найди более перспективную работу, – не устаёт уговаривать маму бабушка. – Кто сейчас ходит в эту твою библиотеку? Все давно в интернетах сидят! Смени, в конце концов, профессию! Вон маникюр-педикюр-наращивание-шугаринг неплохо оплачиваются. Я не вечная, а без меня вы с Женькой лапки сложите и кверху брюхом сразу всплывёте!» Но мама ничего не хочет менять, с упорством истинного Дон Кихота выдумывает всё новые и новые приманки, капканы и лассо для читателей.

В библиотеке каждые выходные заседают творческие студии и проходят мастер-классы – от банального бисероплетения до роботомоделирования. Помнится, к маме приходили даже реальные кузнец и кожемяка, ноковка и кожевенное дело почему-то не пошли в массы. Помимо мастер-классов, в библиотеке есть бесплатный кинозал, но показывают только фильмы и мультики, снятые по книгам, так что не всех это интересует.

Мама ведёт блог «Червекнижник» и каждый день отбирает для своих пабликов в соцсетях цитаты и картинки, а недавно запустила и пропиарила новые мемы #booka (или #бука, если по-русски) и #литература. Бабушка называет мамин креатив мышшиной вознёй, зудит, конечно, больше по традиции и для порядка. Я в ответ замечаю бабушке: чего она в своей районной поликлинике сидит, давно бы устроилась в частную или вообще семейным врачом. Но она возмущается до глубины души: «Меня отсюда только вперёд ногами вынесут! Я уйду, а кто останется? Кто сюда работать за копейки пойдёт?»

Никуда она, конечно, не денется. Она даже в пресловутые «лихие 90-е» никуда не ушла, хотя маму воспитывала одна. С дедом развелась почти сразу после свадьбы: «Не сошлись характерами с *этим*». В 90-х мама окончила школу и поступила в библиотечный институт. Вы себе представляете это безумие? В стране хлам, революция, путчи, бучи, перевороты, завороты, цейтноты и незнамо что, а она поступает в библиотечный! Впрочем, две её подружки по инсту очень даже прилично устроились: у тётки Аси три небольших книжных магазинчика детской литературы «Букашка», а у тётки Светы вообще сеть тату-салонов в ближнем Подмоскowie. Ну, короче, профессию сменили все, кроме мамы, у неё тоже позиция «отсюда вперёд ногами», хотя характер совсем не бабушкин.

Мама – типичный сангвиник, с вечной радугой в глазах, любит весь мир, и мир отвечает ей взаимностью. Она и во сне улыбается – в любом, даже кошмарном, – и непременно ото всей души и с забавными ямочками на щеках. Маме нужно, чтобы вокруг неё двадцать четыре часа в сутки взрывались фейерверки и счастливое человечество отмечало праздник жизни. Представители этого человечества иногда доводят нас с бабушкой до мигрени: к маме косяками плывут гости, половина из других городов, и живут по нескольку дней. Публика весьма разношёрстная: от десятилетних детей до пятидесятилетних почти-что-пенсионеров. Если бы мы с бабушкой не устраивали акции протеста, наша квартира давно превратилась бы в общагу или hostel.

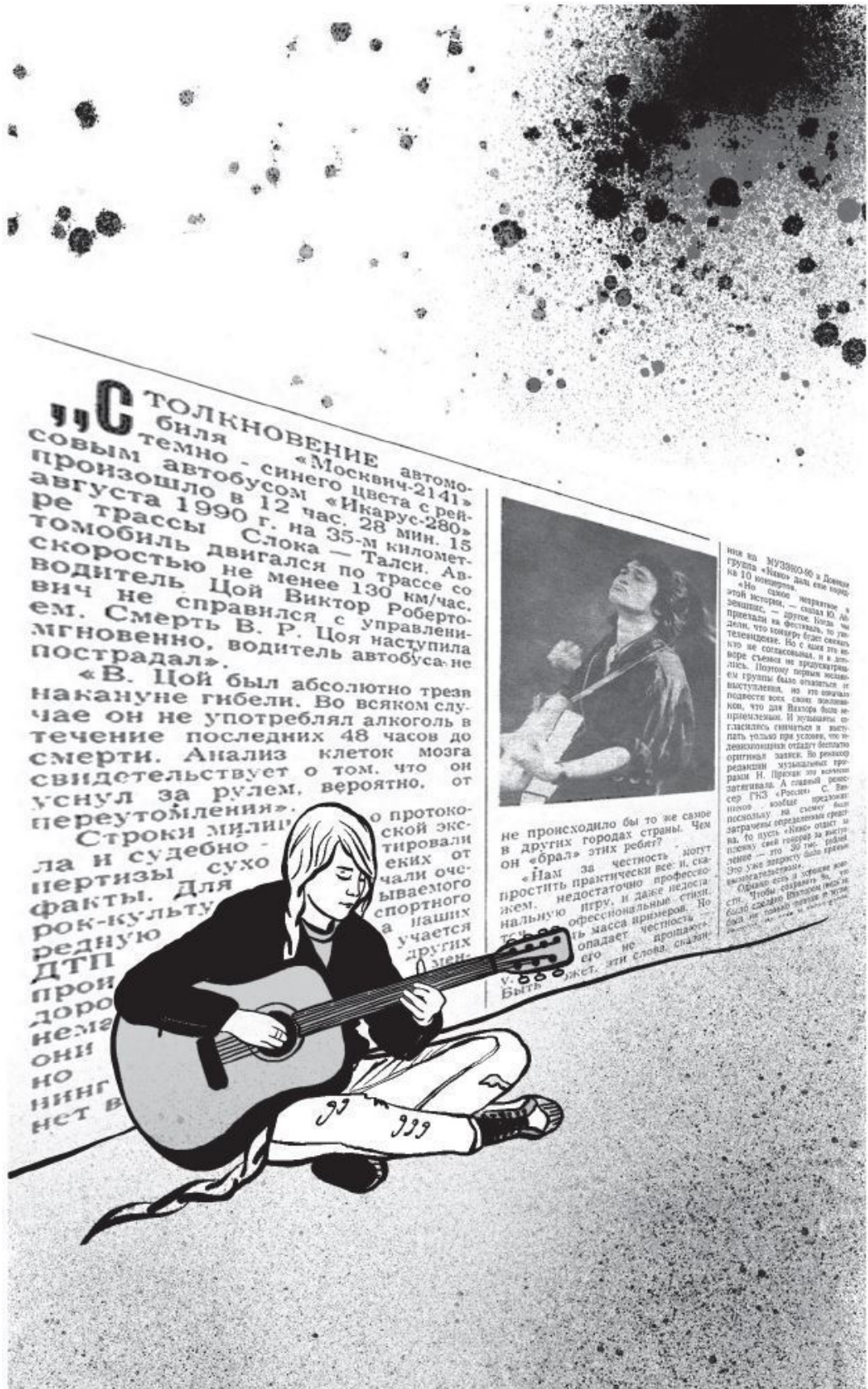
Глава 4

Мама по юности отжигала и покруче. Тогда оказался на волне русский рок, и она частенько посещала концерты, несмотря на то что среди неформалов водилось запредельно много отморожков. Мама и сама играла на гитаре, но какие писала песни, не признаётся. Ещё она путешествовала автостопом и на *собаках*. *Собаками* назывались электрички, их рок-фанаты предпочитали поездам, потому что нормальный фан космат, голоден, немного асоциален и без копейки в кармане – типа бомжа, только попримичнее. На электричках-*собаках* гоняли на концерты любимых групп по разным городам. Это называлось *пробить выезд*. Мама чаще всего ездила из Москвы в Питер на «ДДТ» и ещё какие-то группы. Классический маршрут на пяти *собаках*: Москва – Тверь, Тверь – Бологое, Бологое – Окуловка, Окуловка – Малая Вишера, Малая Вишера – Питер.

Денег у приличного неформала сроду не водилось, их приходилось *стрелять*, или *аскать* (последнее вроде от слова ask), – попрошайничать, одним словом. Билеты на концерт прожжённые *выездные* тоже не покупали: миролюбивые стреляли деньги, а хищники отбирали билеты у чересчур приличных граждан; была ещё третья категория – заслуженные фанаты, их знали даже сами музыканты, уважали как свиту и выдавали *проходки* – пропуска на концерт.

Мама предпочитала свой способ – играть на гитаре на Старом Арбате, у неё была харизма и длиннющая толстенная зелёная русалочья коса. Тогда как раз в магазинах появились дикие красящие шампуни для волос, и это многим неформалам нравилось. Мне б такую косу, а! Не в смысле зелёную, а в смысле длинную и толстую, но я в бабушку. Мама до сих пор ходит с косищей почти до коленок (правда, уже не зелёной, а светло-русой) и тоже спускает волосы на уши. Да, ушастость у меня от неё, но вот рост явно нет, мама – стандартные 167 см. Говорят, я пошла в папу и его родню: там все шкафы двухметровые...

К чему я эту бодягу рассказываю? Именно благодаря концерту познакомились мои родители. Нет, они были по разные стороны баррикады, а баррикад в те годы много было... С одной стороны – бунтари и маргиналы, эпатазирующие общество зелёными волосами, драными джинсами и косухами с тонной железа, с другой – гопники, любера, законопослушные граждане – совковый планктон... Революционные годы... Тогда все были против всех: неформалы против гопников, люберов и скинов, рокеры против панков и металлистов, фаны-питерцы против фанов-москвичей, фанаты-старички против фанатов-новичков, и все скопом против ментов. Ментов презирали, ненавидели или как минимум награждали нецензурными словами. Впрочем, к концу нулевых великое противостояние сошло на нет: или времена стали спокойнее, или радикальные группировки постарели...

Мама говорит, что ментов (или мусоров) не любили просто за то, что они являлись представителями власти, а прогрессивную молодёжь тошнило от любой власти, недаром у них был

популярным лозунг: «Анархия – мать порядка». Видимо, настолько плющил их совок, что уже никакой страны не хотелось. Потерянное, как говорится, поколение. Сейчас тоже не шибко ментов любят, но тут уж извините: какой народ, такая и полиция. Не с луны же полицейские падают, а в том же обществе выращиваются.

В общем, мама насобирала на Арбате денег на очередной билет на «ДДТ» и почему-то прямо с гитарой потащила на концерт. Наверное, не успевала зайти домой или по дороге решила подработать. Купила в кассе билет, а на сдачу – чизбургер с фантой. Ну, сидит себе в сквере у Горбушки⁴, жуёт. Встретилась со своими. Свои встретили чужих – питерцев. Время от времени московские *забивали стрелы* питерским и наоборот, – типа дуэли, но если без вызова, без предварительной договорённости, то назывался этот обряд *махач*. Видимо, силами мерились: стенка на стенку и прочие народные забавы; царство на царство и народ на народ – классика смутного времени.

Мама сроду в потасовках не участвовала, но тут пришлось ввязаться: непонятная, не шибко трезвая (точнее, абсолютно пьяная) компания решила развлечения ради *кинуть на билеты местных* или просто пощипать для бодрости, разогреться перед концертом, там-то уже начинался миролюбивый *слэм*. Мама отошла немного от поля битвы (тем более что с обеих сторон было по пятеро бойцов, а она оказалась шестой лишней), но у неё выхватили гитару, и волей-неволей пришлось лезть в кучу-малу отнимать. Мама сразу же получила своей собственной гитарой по голове (почему бы и нет? Чем не оружие?), инструмент переходил из рук в руки, обрушиваясь по очереди то на друзей, то на врагов... Мама насилу вылезла из свалки. Ну и милиция, точнее, омоновцы тут как тут: в послереволюционные годы ни один серьёзный рок-концерт без ОМОНа не обходился, примерно как сейчас не обходится без него ни один футбольный матч.

⁴ Г о р б у ш к а – ДК Горбунова, один из самых известных залов в Москве, где проходили рок-концерты.

И вот омовцы бодренько затолкали всех без разбора в «козла» и повезли... куда подальше, к чёрту на рога. Подальше – потому что районное отделение милиции оказалось переполнено.

Мама говорит, что в обезьяннике ей до этого никогда не доводилось сидеть, а потому ощущала лихой азарт: теперь она настоящий диссидент и враг порядка! Настроение портило одно... нет, много чего: сгинул драгоценный билет на концерт, пропал шанс лицезреть Шевчука и... гитара тоже пропала. Куда делась последняя, никто в суматохе не заметил. «Мусора небось взяли, уроды!» – прохрипел немного протрезвевший питерец. Он в целом был доволен приключением: давно пора москвичей на место поставить, а то «борзые у себя в столице». Питерец носил длинный *хаер* и звался Лёхой Метлой. По дороге неожиданно произошло перемирие, и к моменту доставки в отделение обе компании претензий друг к другу не имели. Теперь у всех был общий враг – менты.

Самые продвинутые (питерец Лёха Метла и москвич Егор, по кличке Енот) начали пугач: «Сейчас нам всем мусора отобьют почки, потом сломают рёбра, потом морду раскрасят, потом подкинут наркоту, а заодно навесят дюжину нераскрытых уголовных преступлений, так что сидим молча, как Зоя Космодемьянская перед лицом гестапо». Кто-то из питерцев взвыл, что он несовершеннолетний и хочет жить...

Вечно радужное настроение мамы рассеялось: она готовилась к пыткам в застенках отделения, а заодно к бабушкиной домашней казни. Но за решётку почему-то никого не посадили, а повели в непонятный кабинет, похожий на школьный класс. Помимо двух сопровождавших омовцев и одного просто мента, откуда-то пришли ещё местные мильтоны. Местные шли не торопясь, ждать в классе пришлось минут сорок, если не целый час, всё это время над душой нависали омовцы. Следуя советам бывалых, арестанты молчали по-партизански. Мама не выдержала первой и полезла на рожон, обратившись к стражам порядка со своей фирменной улыбкой, разряжающей любую атмосферу:

– Я извиняюсь, а тут вопросы задавать можно?

– Можно, – ответил Простомент.

– Хотела бы узнать, как насчёт моего имущества. Мне его вообще вернут?

– Какого имущества?

– У меня была гитара. К тому же очень дорогой инструмент. Семиструнная, между прочим. И я вообще ни с кем не дралась! Я только свою гитару отнять хотела. Где я теперь её искать буду? Или вы её арестовали тоже, в качестве улики или орудия преступления?

– Женя, ты знаешь, где гитара? – обратился Простомент к одному из омовцев.

– Без понятия.

– Сейчас в протоколе всё укажешь: кто там у вас с кем дрался и про гитару, если хочешь.

– Тогда вернёте?

– Слушай, нам твоя гитара на фиг не нужна. У нас другие обязанности, – сказал омовец Женя.

– Настя, ну чо ты с ними трёшь? – не выдержал матерый питерец Груздь, боевой товарищ Лёхи Метлы.

– Хочу и тру! – выиграл бунтарский дух моей мамы. – Здесь хоть петь-то можно? Или запрещено законом?

– Да пой, – пожал плечами Простомент.

Мама тихонько запела печальную дорожную песню «Ты не один», которую не удалось услышать на концерте. Это одна из её любимых:

Когда идёт дождь,
Когда в глаза свет
Проходящих мимо машин и никого нет...

На дорожных столбах венки, как маяки
Прожитых лет...

Припев подхватил тенорком несовершеннолетний, подвыла и подбитая Лиса, лучшая рок-подружка мамы. На второй песне – почему-то не «ДДТ», а «Машины времени» («Однажды мир прогнётся под нас»), – ещё человек пять подтянулись к хору арестантов. На Метлу и Енота песни произвели эффект колыбельной, хотя дело тут было не только в песнях, конечно. Храп звучал аккомпанементом, всё вместе напоминало фарс. Или трагикомедию.

Потом да, пришли менты с протоколами и допросами, но без орудий пыток. Разошлись в общем-то культурно, но кое-кому в итоге выписали штраф.

Про гитару и ментовку мама ничего бабушке не сказала, то есть сказала только про гитару: «Дала Лисе поиграть на время». Да, когда мама вернулась к Горбушке, никаких следов от своей гитары, даже щепок или струн, она не обнаружила. «Вот гады менты! – прошипела она. – Спёрли!»

Дня через три-четыре под вечер случилось немыслимое. Земля трижды повернулась против своей оси. Настя, моя мама, пришла из Ленинки – это была её любимая библиотека, где она частенько пропадала после института, особенно в год защиты диплома, а это как раз и был тот самый год, – пришла и увидела в коридоре гитару. Семиструнную. И массу вопросов в глазах бабушки.

– Это кто? – спросила бабушка.

– Это я, – ответила мама.

– Нет, кто к тебе приходил и почему с гитарой?

– Я понятия не имею. Это вообще не моя гитара.

Мама взяла инструмент и зачем-то стала настраивать. Прямо в коридоре, не раздеваясь.

– Ты не темни уж. Где твоя гитара и почему тебе это принесли?

– Моя у Лисы. А почему принесли, не знаю. Адресом ошиблись, вероятно. Кто вообще принёс?

– Представился Евгением, а там я уж не знаю кто. Тебе виднее – твои дружки.

– Какой ещё Евгений? Может, Енот? Егор?

– Я твоего Енота видела, спасибо, больше желания встречаться не возникло, прекрасно помню, обознаться не могла. С института, что ли? Вид довольно приличный, на удивление прямо.

– А чего-нибудь передать просил?

– Да ничего. Гитару просил передать. И два раза извинился.

– Ясно.

Настя внимательно осмотрела новый инструмент, но никаких следов пояснительных записок или других улик не обнаружила. Впрочем, её уже осенило: менты?! Это могли сделать менты?

Ну ничего, хоть признали свою вину, возместили ущерб, уроды!

Бабушке пришлось соврать, что старую гитару продала Лисе, откладывала стипендию и вот через друзей нашла инструмент получше. Видимо, продавец и приходил. Маму мучили попеременно то совесть, то любопытство, и она скрепя сердце побрела в знакомую ментовку. И даже купила по дороге шоколадку в знак благодарности. Менты в дежурке шоколадку сразу отвергли, потом некоторое время находились в недоумении, затем что-то внезапно смекнули и начали гоготать, как истинные гуси. Ну и выдали маме номер телефона, по которому следовало озвучить благодарность. Да, это был номер моего папы, того самого омовца Жени.

Странное, конечно, дело: рок-мама и мент-папа. Но на белом свете случаются и более значительные казусы. Года через полтора они поженились.

«Знаешь что, Настя, – говорил папа, – в сущности, мы очень похожи. Духом противоречия.

Только для того чтобы плыть против течения, вовсе не обязательно переворачивать автобусы или сжигать пивные ларьки. Один орёт на площади с плакатом „Поможем старикам!“ и кидает в омоновцев бутылки с зажигательной смесью, а другой молча едет в дом престарелых и помогает. Нас ненавидят ещё больше, чем вас, для большинства людей мы что-то вроде политической дубинки, но лично меня политика интересует меньше всего. Власть меняется, как направление ветра, температура и давление, а родина остаётся, и, какой бы она ни была, я буду делать то, что должен, даже если каждый день мне будут плевать в спину. На свете водится немало чокнутых романтиков и юродивых, но... как знать, может быть, именно на нас держится мир, а вовсе не на пресловутых трёх китах?» Жили бы мы, как говорится, не тужили, но не тужить никто из нас не может. Потужить обязательно нужно. Вот и тужим, кто как умеет.

С разной степенью интенсивности. Сейчас я живу с мамой и бабушкой, как вы уже поняли. Продвинутые сейчас начнут умничать и рассуждать, на что же мы живём и почему до сих пор не опухли с голоду, куда делся мой отец, раз он такой хороший?.. Так вот: живём благодаря собесу, мы все пенсионеры, включая меня. Пенсии вообще-то разные есть на свете, не только по старости или инвалидности. У бабушки есть своя пенсия, помимо работы, а мы с мамой получаем пенсию за папу. Я, конечно, убогая, и нужно было как раз с него начинать свою биографию, а не с *груши* и садика, но постеснялась, что ли. Просто не люблю пафос: всё великое обычно обходится без воплей фанфар и грохота литавр.

Мой папа умер за месяц до моего рождения, и мы с ним так и не увиделись. Вы уже поняли, что его звали, как и меня, Женей. Евгений Щетинин. То есть наоборот: меня назвали в честь него. Он был старшим лейтенантом милиции, точнее, омовцем и погиб в очередной командировке в Чечне. Мне не слишком подробно рассказывали эту историю, но в целом дело было так.

На каком-то заброшенном заводе прятались ваххабиты, боевики, их было, *по предварительным данным*, немного, потому что война уже заканчивалась и почти всех, кого нужно было обезвредить, уже обезвредили. Туда поехал наш БРДМ⁵, но бой оказался гораздо серьезнее, чем предполагалось: откуда-то ещё повылезали бандюки. Папа с небольшой группой из восьми омовцев поехали тогда выручать своих на БМП⁶ и БТР⁷. Банду переловили, и среди них оказался какой-то важный командир, *эмир*, за ним охотились дольше всего, а когда наконец и его поймали, гад решил подорваться: на нём было спрятанное под одеждой взрывное устройство. Мой папа бросился на него, оттолкнул – и... погиб.

Остальные омовцы остались живы благодаря папе. Бабушка рассказывала, что папу хоронили в том самом цинковом гробу, о котором у нас в стране отчего-то принято говорить с ужасом, омерзением или недоумением. Вскоре родилась я, а папе присвоили звание Героя России посмертно. Конечно, мне лучше было бы родиться мальчиком, но ведь я неудачница и характером совсем не похожа на дочь героя. Сопля соплей.

Да, у меня есть вторая бабушка, её зовут Галина Алексеевна (кстати, мамина мама – Валентина Николаевна), был ещё и дедушка, папин папа, он умер от сердца, когда мне исполнился год (или два?..). Бабушки между собой не очень ладят и общаются только по делу. Предполагаю, дело в ворчалках, которые широко практикует бабушка Валентина, и в строгом характере бабушки Галины. Бабушка В. иногда любит повторять мнение большинства, но сама никогда к нему всерьёз не прислушивается, зато мы, как ей кажется, должны действовать «как все нормальные люди». Любит она и что-нибудь неуместное сказануть, особо не задумываясь о чувстве такта и последствиях.

Я слышала пару-тройку раз, как она сверлила маму: «Ты в своей библиотеке скоро в старуху превратишься, жизни совсем не видишь за этими книжками, хоть бы познакомились с кем-то, снова замуж бы вышла, а то киданул тебя *этот* с ребёнком, героем себя возомнил, потащился в самое пекло, без него, что ли, не обошлись бы? Ради чего он там воевал-то? Ни о ком не подумал! Ребёнку отец нужен, а не цинковый гроб!» Мама хлопала дверью: она терпеть не могла эти причитания и проклятия. Вполне вероятно, что нечто подобное слышала и бабушка Галина, поэтому старается с бабушкой Валентиной общаться по минимуму.

Бабушка Г. после смерти папы и дедушки резко сменила профессию: раньше она была бухгалтером во вполне приличной фирме, а стала... свечницей. Это кто? Продавщица в церковной лавке. Непонятно, почему это место зовётся «свечной ящик», на ящик не очень похоже, хотя восседает за прилавком бабушка Г. с оч солидным видом, как самая настоящая свеча. Вдобавок она ещё и староста, причём сама женщина весьма внушительного роста, хотя я уже и её переросла...

Бабушка В. православную тему не очень понимает («На старости лет *эта* ударились в религию!»), но свечки не брезгует лишний раз поставить, покупает куличи на Пасху и берёт воду на Крещение, так что вроде не атеистка, а мама прониклась и даже поёт в церковном хоре. Меня тоже пробовали отправить в хор, но почему-то дело не пошло. До сих пор помню, как в воскресной школе учила стихиры с загадочными древними словами, особенно мне нравился

⁵ Б Р Д М – бронированная разведывательно-дозорная машина.

⁶ Б М П – боевая машина пехоты.

⁷ Б Т Р – бронетранспортёр.

«Новый доме Евфрафов». Звучит таинственно и сказочно: что за дом, кто такой Евфраф? На этот вопрос мне даже бабушка Г. не смогла ответить.

Глава 5

За год до школы у меня появилась учительница, тётя Сима, её нашла бабушка В. Бабушка В. кого хочешь найдёт, у неё знакомых целый вагон... нет, целый бронепоезд! Тётя Сима (странно, что я так никогда и не узнала её отчества) была пожилой женщиной, и назвать бы её старушкой, но язык не поворачивается, скорее, девчонка преклонного возраста: крошечная, тощенькая, суетливая, шустрая, с неизменным ровненьким коротким каре (не исключено, что это был парик, но тогда жаль, что не старомодный, в духе Моцарта). Она, разумеется, не могла быть пациенткой бабушки, потомков у тётя Симы тоже не наблюдалось, однако круг пациентов б. Валентины удивительным образом пересекался с кругом учеников тётя Симы. Я приходила к ней домой учиться читать, писать и считать.

Тётя-Симины квартира напоминала натуральный музей – всего две небольшие комнаты, но какие! Старинная мебель, пахнувшая пылью позапрошлого столетия, блестящий тёмный паркет, узорчатые напольные часы с огромным маятником, которые громко цокали, как копыта коней, неторопливо везущих экипаж по булыжной мостовой. Был ещё хриловатый дед-граммофон с золотой трубой, похожей на слуховую (у меня похожая была в «Наборе маленького доктора»).

На полу вместо ковров лежали чьи-то шкуры, немного плешивые от времени. Сейчас уже плохо помню, чьи: козла, осла, медведя? Или кого-то заморского-волосатого? Возможно, верблюда. Это вещи, которые сразу бросались в глаза. Но ещё мелочь разная водилась: загадочные флакончики, старинные фотографии, шкатулочки с неизвестными секретами... От тётя Симы всегда пахло старыми приторно-пряными духами, кажется «Красная Москва», – такой вот душевный запах антресолей.

В квартире затаился уютный печальный полумрак, как в норе. Я ещё ни у кого не видела на стенах тёмных обоев, только у тётя Симы. В маленькой комнате – тёмно-синие в вертикальную бронзовую полоску, в большой – бордовые, тоже полосатые. Почему-то большинство людей выбирают белые, бежевые, кремовые или розовые обои, а те, кто никакие не любит, красят стены в белый цвет: наверное, света не хватает. Полумрак разлюбили, а зря: в полумраке становишься задумчивее, мечтательнее, филосо... Философичнее? Философское? Скорее, созерцательнее. Слово старинное, финтифлюшное, букинистическое – «со-зер-цание», напоминает «зерцало», «зеницы», «зарницы» и прочие антикварные слова.

Занимались мы в большой комнате, которую хозяйка называла странным словом «зала».

Тётя Сима торжественно усаживала меня... нет, не за стол и не за парту, а за секретер! Слово меня впечатлило: то ли секрет в нём спрятан, то ли секретарь... Секретер открывался крошечным ключиком, шкаф превращался в стол, я доставала свою тетрадку... Конечно, первую тетрадь я выбирала в магазине сама. На её обложке не было ни цветочков, ни принцесс, ни щеночков, ни мультяшек... Купила я самую страшную, с дурацким уродливым гномом, потому что мне стало жалко оставлять его, одинокого, на полке: ведь ясно же, что никто такого некрасивого не купит, хотя изначально я шла за Русалочкой или Рапунцель.

Тётя Сима разрешала мне пользоваться всеми ручками сразу, а не только синей, каждое слово можно было писать разным цветом. Мне больше всего нравилась зелёная ручка с блёстками. Тётя Сима ненавидела тетрадки с готовыми заданиями типа «впиши ответ в клеточку» и с картинками, поэтому у меня была просто тетрадка, и больше ничего: иллюстрации и задания мы рисовали сами.

Буквы учили не по алфавиту, а вначале гласные, потом согласные, причём гласные у тётя Симы начинались не с А, а с Я.

– Женечка, прежде чем начать писать, следует разобраться, что такое Я, ведь почти все книги в мире посвящены этому Я.

Я – первая буква, которую я написала в тетради. Точнее, нарисовала.

– Женечка, на что похожа буква Я?

– На человечка. Вот голова, вот ноги у него.

В детстве мне казалось это самым важным – наличие ног и головы. Именно так я и рисовала людей – головоногами, почти колобками. Минимализм. Что-то в психологии говорится насчёт головоногов – типа в шесть лет это уже диагноз.

– Хорошо, рисуй. А ещё на что похожа?

– На петлю, узел с двумя хвостиками, на... фотик на штативе, который смотрит на тебя.

Потом была Ю, похожая на юлу, лежащую на-боку: в неё наигрались, и она отдыхает, довольная. Так мы учили алфавит. Тётя Сима не заставляла выводить закорючки и отдельные буквы, она была волшебницей, а такие люди всегда с приветом и ненавидят бессмысленный труд. Мы сразу начали писать слова, и они не были случайными. Первую пару слов придумывала она, а дальше я пыталась сочинить сама. Например, она: «Король улетел», а я: «У него много дел». Каждое слово я поначалу вымучивала, выщипывала по букве и, когда доползала до спасительной точки, чувствовала, что пропахала, как вол, целое поле. Впрочем, я никогда не видела, как вол это делает, так что лучше сравню себя с трактором.

Учиться читать я начинала с моих любимых стихов, которые знала наизусть, звучащие слова превратились в книге в тайные знаки, шифр или код. Незнакомые книжки я поначалу ненавидела читать самостоятельно, особенно меня тошнило от Тани, про которую заставляла читать бабушка В. Таня была роботом.

Та-ня иг-ра-ет.
У Та-ни кук-ла.
Та-ня гу-ля-ет.
Та-ня о-бе-да-ет.
Та-ня спит.

С любым адекватным человеком что-нибудь да происходит, но только не с Та-ней, её даже не было жалко, она ведь неживая, неживее игрушки, неживее картинки, неживее тумбочки – Таня была просто текс-том.

Потом я пошла в школу и тётю Симу, мою фею-крёстную, больше не видела никогда... Недавно мама сказала, что она умерла от онкологии примерно в тот год, когда я закончила первый класс. От тётки Симы у нас остался на память маленький сборник стихов. Она распечатывала свои сочинения дома на обычном принтере-гарахтелке, потом делала переплёт и украшала обложку всем, что под руку попадёт, – настоящий скрапбукинг. Вот только фамилии её и на обложке не было, просто Серафима Т. Возможно, «Т» означало всего лишь «тётя»...

Никто не издавал эти стихи и уже никогда не издаст, они умерли вместе со своим автором, утонули в информационном океане. Мы все в нём однажды потонем, как говорит мама, захлебнувшись слоганами рекламы, эсэмэсками, мемами, фанфиками, smm-продуктами, сериалами, поп-хитами, хештегами и прочей мишурой.

Стихи были душевными, тёплыми, мягкими на ощупь, как шарф или пледик. Вам тоже наверняка попадались подобные уютные, домашние стихи.

Уплывают кораблики по весне,
И от этого грустно становится мне,
Детства белые корабли
Из надежд и мечтаний моих...
Где причал ваш, кораблики, расскажите
И в страну вашу в гости меня пригласите.

Сейчас вы, разумеется, скажете: «Ну и?.. И чо тётя твоя Сима? Стихи как стихи, любой дурак не хуже зарифмует!» Ладно, допустим, писала она средне, зато была гениальным читателем, а этот талант встречается гораздо реже. Между прочим, гениальным читателем не станешь, пока не попробовал на своей шкуре, что такое писательство. Тётя Сима даже скучнейшую книгу могла спойлерить так, что хотелось моментально загуглить или стартовать в библиотеку.

Глава 6

Научившись писать, я спёрла у бабушки В. толстый ежедневник и начала сочинять. Ежедневников у неё была целая гора, благодарные родители пациентов считали своим долгом как минимум трижды в год дарить ежедневники: на Новый год, 8 Марта и День медика, а знающие – и на день рождения. Конфеты и шоколадки тоже поставлялись регулярно, у бабушки в шкафу целая полка была выделена для шоколадно-мармеладных изделий – агась, самая высокая, чтобы внучка не достала. Но однажды я всё же долезла и подточила бабушкины запасы, а следы замела: обёртку от шоколадки заклеила, а ополовиненную коробку с конфетами переставила подальше, к задней стенке шкафа. За порчу и хищение НЗ бабушка заперла меня в туалете, хотя насчёт ежедневника промолчала. Понятно: то шоколад, а то бумага...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.